

St John's Church News No 87: January 2017

**ЦЕРКОВЬ СВТ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО
ST JOHN'S RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
Military Road, Colchester, Essex CO1 2AN**

His Holiness Kyrill, Patriarch of Moscow and All the Russias
Most Rev. Metropolitan Hilarion, First Hierarch of the Church Outside Russia

For this newsletter in electronic form: www.orthodoxengland.org.uk/zchurchnews.htm

Исповедь / Confession and Contact: о. Андрей / Fr Andrew: **T:** 01394 273820 /

E: frandrew_anglorus@yahoo.co.uk / **W:** www.orthodoxengland.org.uk

Русская и Украинская Школа / Russian and Ukrainian School: Sophia Bown:
safi@mail.ru

Воскресная Школа / Sunday School: Mary Kisliakova: mary0170@yahoo.com

Сторож / Caretaker: Paul Hopkins, 69, Military Road

Youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=rE2T2sYTy8s>

Расписание Богослужений / Services in January

Sunday 1 January: Sunday of the Holy Fathers / Свв. Отцов

10.00 am: Hours and Liturgy / Часы и Божественная литургия

Friday 6 January: Christmas Eve / Сочельник

5.30 pm: Vigil for the Nativity of Our Lord Jesus Christ / Всенощное бдение праздника Рождества Господа нашего Иисуса Христа

Saturday 7 January: Orthodox Christmas / Рождество Христово

10.00 am: Hours and Liturgy / Часы и Божественная литургия

3.00 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 8 January

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия. Meal in the Church Hall and Children's Nativity Play / Трапеза и детское представление Рождественской пьесы

Saturday 14 January

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 15 January

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Wednesday 18 January

5.30 pm: Vigil for Theophany, the Baptism of our Lord / Всенощное бдение праздника Богоявления - Крещения Господня

Thursday 19 January: Theophany / Богоявление-Крещение Господне

10.00 am: Hours and Divine Liturgy/ Часы и Божественная литургия

11.45 am: The Great Blessing of the Waters / Великое Водоосвятие

Saturday 21 January

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 22 January

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Thursday 26 January: METROPOLITAN HILARION'S VISIT

10.00 am: Hours and Episcopal Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия, архиерейское служение.

Saturday 28 January

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 29 January

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная литургия.

Тропарь Рождества Христова (Глас 4)

Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащий звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты востока. Господи, слава Тебе!

Christmas Troparion (Tone 4)

Thy nativity, O Christ our God, has shone forth to the world the light of reason, for in it those who worshipped the stars were taught by a star to adore Thee, the Sun of Righteousness, and to know Thee, the Orient from on high. O Lord, glory to Thee!

Тропарь Крещения Господня (Глас 1)

Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение: Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленнаго Тя Сына именуя: и Дух в виде голубине

извествоваше словесе утверждение: явлейся, Христе Боже, и мир просвещей, слава Тебе.

Theophany Troparion (Tone 1)

When Thou, O Lord, wast baptised in the Jordan, the worship of the Trinity was revealed. For the voice of the Father bore witness unto Thee, calling Thee His beloved Son: and the Spirit, in the form of a dove, confirmed the truth of this word. Thou hast revealed Thyself, O Christ God, and enlightened the world, glory to Thee!

**Dates for Your Diary / Важные Даты на
Следующий Год**

Easter: Sunday 1 May / Пасха: Воскресенье 1 мая

Patronal Feast: Saturday 2 July

Престольный праздник: Суббота 2 июля

Baptisms in December:

5 December: Claudia Racolta

17 December: Margarita Miksa

17 December: Elizaveta Treimane

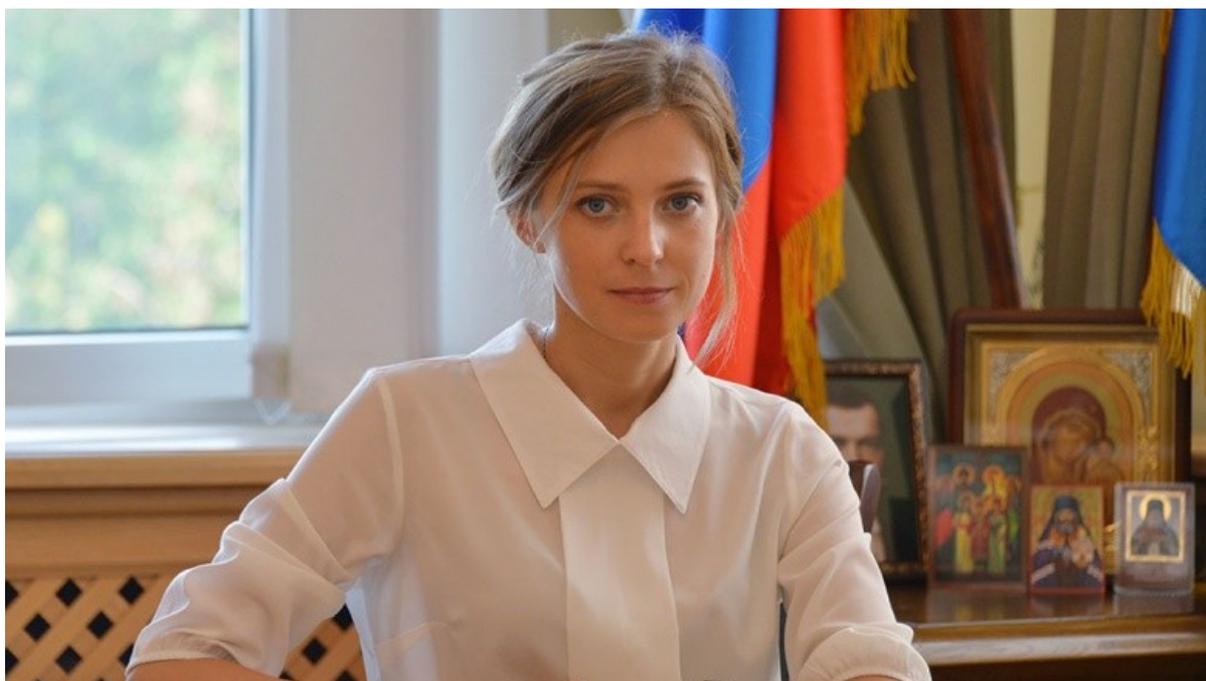
CHURCH NEWS

Arrival of Metropolitan Hilarion – a Historic Event

Archbishop Mark was relieved of his responsibility for our Diocese on 8 December. Metropolitan Hilarion is arriving at the end of January to take charge of us temporarily until the new bishop is enthroned, probably in the summer. On Tuesday 24 he will visit the Norwich parish and on Thursday 26 he will serve the liturgy in Colchester. **PLEASE TAKE THE DAY OFF WORK AND SCHOOL AND COME AND MEET HIM!**

Collection for the Orphanage in Odessa

On Sunday 18 December we took a collection for an orphanage in Odessa. This raised the magnificent sum of £450. Thank you very much for your generosity.

Natalya is sitting in front of an icon of our St John of Shanghai!

Наталья Поклонская

Дорогие друзья!

Наступающий 2017-й – год столетия непростых событий, которые пережил наш народ. Нам нельзя допустить переноса злобы и обид прошлого в настоящее, нужно сделать все для примирения и укрепления общества.

Государь Николай II передал нам такие слова: "...то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но не зло победит зло, а только любовь". Сохранить мир – значит уметь сдерживать эмоции, иметь смирение и терпение. Но нельзя предавать наших Святых, которые положили душу за Россию, за нас.

Давайте в эту новогоднюю ночь под бой кремлевских курантов, после выступления президента Владимира Путина пожелаем ему и всем нам Божьей помощи, сил и здоровья, благополучия и процветания великой и единственной Родины – России.

Пусть в новом году каждый будет счастливым, здоровым и успешным в благородных делах! Пусть рождественская звезда принесет свет в наши сердца! Пусть все дома будут наполнены праздником и радостью! Пусть будут перемены к лучшему!

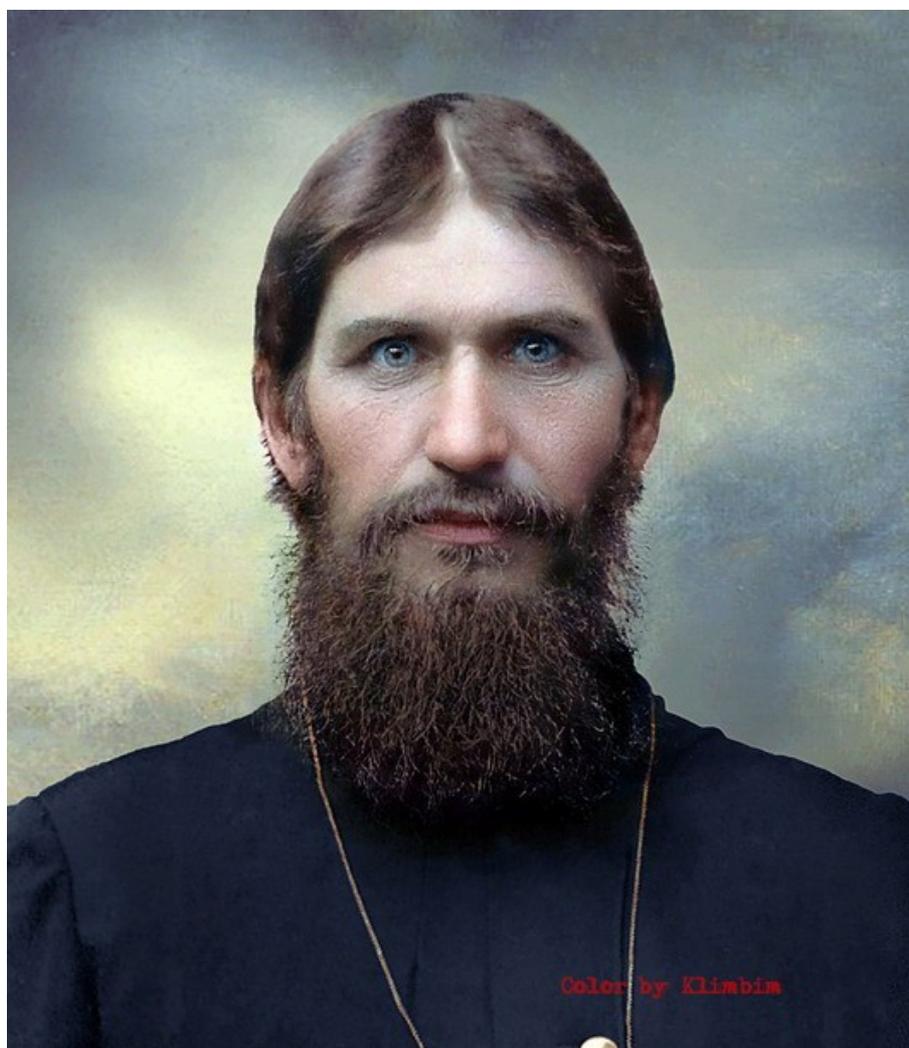
С Новым годом!

С Новым счастьем!

ДЛЯ ЧЕГО УБИЛИ ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА?

[Диакон Владимир Василик](#)

30(17) декабря исполняется 100 лет со дня убийства Григория Распутина. Сама его личность и обстоятельства этого события до сих пор являются предметом споров и обсуждения.

В этом году исполняется 100 лет со дня убийства Григория Ефимовича Распутина, но и поныне о его личности не утихают споры. Для одних он – «святой чорт, распутник, хлыст, злой гений слабого царя, знамение погибшего царства». Для других – невинно оклеветанный, святой старец, мученик, ближний друг Царской Семьи. Видимо, настала пора отвлечься от споров и *sine ira et cura* – «без гнева и пристрастия» – исследовать феномен Распутина, опираясь на достоверные источники. Но при этом следует помнить слова известного историка А.С. Лаппо-Данилевского об источнике как продукте психологической деятельности, зеркале чужой одушевленности. И прежде всего, надлежит не забывать знаменитое

декартовское «Все подвергай сомнению», в особенности многочисленные мифы о Распутине и Царской Семье.

Первый миф – о слабом, безвольном Царе, подкаблучнике Царицы-немки, терпевшем в своем доме развратного мужика по внушению экзальтированной супруги. Не нужно особо распространяться о том, как эта сплетня сработала в роковые дни февраля 1917 года. И заметим, ее выработывали и несли обитатели великосветских салонов, те, кто били в спину Царю, а потом, когда он ушел с престола, растерялись, трусили и либо сбежали, либо покорно пошли на большевистский убой или же интриговали в тылах белых армий, как некогда в петербургских салонах, чтобы потом в эмиграции заниматься «остроумием на лестнице», вернее – на парижских чердаках.

Не забудем также, что эту сплетню всю использовали немцы во время войны, разбрасывая над нашими войсками с «цеппелинов» омерзительные карикатуры на Распутина и Царскую Семью.

Так что источник информации – сомнительный и пристрастный. А теперь – по существу.

Был ли человеком слабой воли святой Император Николай, 23 года ходивший под прицелом террористов? Был ли таким Царь, своей волей переместивший центр экономического и политического развития с Запада страны на Восток, строитель Порт-Артура, Владивостока и Транссибирской магистрали? Был ли таким Император, преодолевший тяжелейшую революцию 1905 года, при котором страна стремительно модернизировалась и прогрессировала, несмотря на мощные революционные и центробежные течения? Был ли таким Царь, взявший на себя ответственность за армию в тяжелейшие разгромные дни 1915 года и остановивший развал, не допустивший широкомасштабного военного поражения и прорыва немцев к Киеву, Москве и Петрограду? Наконец, то, что мы знаем о феврале 1917 года, также не дает нам оснований считать его человеком слабой воли. Государь делал все, чтобы задавить мятеж, другое дело, что все его приказы саботировались^[1].

И второе – миф о том, что Царь знал все о Распутине, но терпел его ради жизни наследника – цесаревича Алексея. Тогда получается, что ради жизни сына Император жертвовал принципами. Но как согласовать с этим тот факт, что в 1915–1916 годах Царь брал цесаревича на фронт, несмотря на его тяжелую гемофилическую болезнь? Значит, был способен рисковать даже здоровьем сына ради его воспитания и защиты Отечества? Уровень нравственной чистоплотности и духовной чистоты Государя не позволил бы ему терпеть такого человека, как газетный Распутин, если бы он счел обвинения в его адрес обоснованными. Значит, не считал. И имел на то свои основания.

А коренились они в том, что обвинения в адрес Распутина в изрядной мере исходили из очень сомнительных и темных источников и от темных лиц. Вот один из основных обвинителей Распутина – иеромонах Илиодор (Труфанов), отпетый религиозный авантюрист,

расстриженный за действия сектантского характера, за границей издавший откровенно клеветническую книгу «Святой чорт», где он на потеху американским и прочим читателям смешивал с грязью не только Распутина, но и Царскую Семью. Характерно, что перед ее публикацией он предлагал Императрице книгу... выкупить, но так, чтобы об этом знали все. Согласно аргументированному мнению Олега Платонова, к составлению этой книги приложил руку известный информационный циник А. Амфитеатров, автор пьесы «Господа Обмановы»[2]. Именно Илиодор и Амфитеатров стоят у истоков «голливудской» версии о Распутине: развратный мужик, охмуривший всех, в том числе Царя и Царицу, – к сожалению, самой известной и самой востребованной обществом.

Интересна история с отчетами о наблюдении наружной охраны за Распутиным, проанализированными Платоновым. Когда Министерство внутренних дел возглавлял Столыпин, отчеты спокойны, беспристрастны, компромата из них не извлечь. Выписки подкреплены подлинными донесениями. Напротив, когда в министерстве заправляли Хвостов и Белецкий, известные авантюристы, подлинные донесения агентов куда-то исчезают, их заменяют достаточно общие и безответственные выписки без имен, без проверок компрометирующих «фактов».

Кстати, характерно мнение о Распутине генерала П.Г. Курлова, директора департамента полиции, товарища министра внутренних дел: «На этот раз меня поразило только серьезное знакомство Распутина со Священным Писанием и богословскими вопросами. Вел он себя сдержанно и не только не проявлял тени хвостовства, но ни одним словом не обмолвился о своих отношениях к Царской Семье. Равным образом я не заметил в нем никаких признаков гипнотической силы и, уходя после этой беседы, не мог себе не сказать, что большинство циркулировавших слухов о его влиянии на окружающих относится к области сплетен, на которые всегда так падок Петербург»[3].

Нужно ли говорить, что с треском провалилась попытка уличить Распутина в скандале в московском ресторане «Яр»? В результате этой провокации с позором был отставлен масон Джунковский, сляпавший фальшивку, развалившуюся после тщательной проверки. И, наконец, последний факт: Чрезвычайная Следственная комиссия, наряженная изыскивать преступления царского режима, не нашла в деятельности Распутина НИЧЕГО, что можно было бы предъявить революционной общественности. Под чистую развалились дела и о хлыстовстве, и о взятках, и о кутежах и развратной деятельности, и о немецких деньгах[4]. В общем, в распутиниаде возникает парадоксальная ситуация: десятки антираспутинских свидетельств, авторы которых в глаза Распутина не видали (так, ярый враг Распутина Сухомлинов пишет: «Распутин я видел один раз, гуляя по вокзалу». Тем не менее он был непоколебимо убежден, что именно Распутин явился причиной его отставки от Военного министерства, а не решение Царя и не собственная бездарность); десятки

антираспутинских статей, где отсутствие меры шокирующих публику подробностей превышает разве бессовестностью по отношению к фактам. Огромный компромат, а в основе его – ничего. Много шуму из ничего.

Спросите: но что-то было? Ведь не может быть, чтобы все обвинения в безнравственности были неосновательными, причем с разных сторон. Давайте, уважаемые читатели, встать на правовую почву, которую у нас почему-то не всегда любят и уважают. Существует презумпция невиновности, и человек может быть признан преступником или виновным в чем-либо только по решению суда – светского или церковного. В отношении Г.Е. Распутина возбуждалось целых два следствия. И оба закончились его совершенным оправданием.

Однако могут возразить, что Распутина осуждали и весьма авторитетные архиереи, известные своей духовной жизнью, такие как владыки Феофан (Быстров), Гермоген (Голубев). Это так, однако даже святость не означает безгрешности и безошибочности. К примеру, даже такие святые епископы, как святитель Епифаний Кипрский, дали втянуть себя в дело святителя Иоанна Златоуста. Естественно, мы не сравниваем Г.Е. Распутина со вселенским учителем Иоанном Златоустом, мы лишь стремимся показать, что поток клеветы и общественного осуждения может повлиять и на самых достойных. Показателен сам факт, что в 1912 году владыка Гермоген пришел к Г.Е. Распутину вместе с вышеупомянутым Илиодором (Труфановым) и тот на глазах владыки Гермогена... избил Распутина крестом. Значимо и то, что большая часть архиереев не поддержали Государя и империю в роковые дни февраля и марта 1917 года и никто из епископата не посетил Царскую Семью в их заточении – ни в Петербурге, ни в Тобольске, ни в Екатеринбурге.

Однако, чувствую, дотошный читатель не унимается: дыма без огня не бывает. Что-то же было?! Было. Сплетня и охота за Распутиным. Первая крупномасштабная акция «черного пиара» в истории России. Случаен разве тот факт, что в далеком сибирском селе Покровском, на родине Распутина, 29 июня 1914 года, в день покушения на него со стороны горячей почитательницы иеромонаха Илиодора Хионии Гусевой, на месте преступления оказывается столичный корреспондент Дувидзон, в точности воспроизводящий в своих публикациях клеветнические показания обвиняемой, с которой, кстати, был лишен возможности общаться?[\[5\]](#)

И понятно, интересовал всех не Распутин сам по себе. Важна была его близость к Царской Семье. Метились в него, стреляли по Императору и Императрице. И успешно.

Третий миф: Распутин правил Россией. По его рекомендации якобы назначались и сменялись министры, обер-прокуроры, правящие архиереи. Между тем известный историк А.Н. Боханов приводит очень показательный факт: Распутин пытался уберечь от мобилизации во время войны своего сына, но встретил со стороны

Императора Николая вежливый отказ. На его просьбу Царь ответил, что сейчас всякий мужчина должен защищать свое Отечество. Максимум, чего удалось Григорию Ефимовичу добиться, это направить сына в санитарный поезд[6].

А если мы отмоем Распутина от голливудского грима, то возникнет очень интересное лицо.

Не очень грамотный, но весьма начитанный умный сибирский мужик, горой стоящий за народ, близко к сердцу принимающий нужды и односельчан, и вообще простых русских людей. Его подлинные записки производят впечатление человека равновесного, обстоятельного, трезвого, благочестивого. Проступает образ человека, верного Православию, верного России и Царю. Характерен крестьянский «пацифизм» Распутина, трезвое понимание того, что война несет смерть и разрушения, неизмеримые страдания народу. По свидетельству графа Витте, в 1912 году во время Балканской войны, когда между Россией и Австро-Венгрией возникло серьезное напряжение и Государь вот-вот был готов объявить мобилизацию, Распутин при личном свидании на коленях умолил его этого не делать и тем способствовал тому, что России было даровано еще два мирных года.

Весьма показательна та телеграмма, которую он прислал Царю в июле 1914 года, перед началом Первой мировой войны: «Милой друг еше раз скажу, грозна туча нат Рассеей беда горя много темно и просвета нету. Словес то море и меры нет, а крови? Что скажу. Слов нету, неопикуемый ужас. Знаю, все от Тебя войны хотят и верные не зная, что ради гибели. Тяжко Божье наказание, когда ум отымет, тут начало конца. Ты Царь отец народа не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Рассея? Подумать так воистину не было горше страдалицы, вся тонет в крови, погибель, бес конца печаль. Григорий».

Если оставить в стороне орфографические ошибки и народно-поэтический стиль, то это текст, который сделал бы честь самому глубокому аналитику. В нем точно отражено состояние общества, одержимого ура-патриотизмом и шапкозакидательством (вспомним знаменитое кадетско-милюковское «Даешь Дарданеллы!»), – «море слов», за которое придется расплачиваться морями крови, умопомрачение элиты, идущей к концу. Это и предвидение того, что Германию победят, но без России, которая будет тонуть в крови, судя по всему – в собственной. Это и провидение революции – «начало конца».

За это его и ненавидели «ура-патриотические круги», прежде всего кадеты, во многом пронизанные масонским влиянием. Война для них была прологом революции. Распутин им явно мешал. Во многом. Поэтому его решили убрать.

Во второй половине 1916 года начинают распространяться провокационные слухи о том, что Царь под влиянием немки-Императрицы готовится заключить сепаратный мир и будто бы Александру Федоровну настраивает на это Распутин. Трудно

придумать что-либо более абсурдное. Во-первых, не для того Император Николай почти два года работал над воссозданием, переформированием и перевооружением армии, чтобы все бросить и сдать. К началу 1917 года все было готово для ширококомасштабного весенне-летнего наступления в согласии с союзниками. Армия имела все – от новейших аэропланов и подводных лодок до теплого обмундирования во вкусе XVII века: знаменитые «буденновки» первоначально назывались «богатырки» и были изготовлены как раз к наступлению 1917 года. Что до боеприпасов, то на них вся Россия воевала еще четыре года всю Гражданскую войну. Во-вторых, не в характере Императора Николая II было изменять своему слову и предавать, тем более – бессмысленно. В случае успеха кампании 1917 года Россия получала бы все плоды победы, в том числе восток Малой Азии, Дарданеллы, Галицию и проч. И становилась бы первой державой мира. В случае сепаратного мира – в лучшем случае свои разоренные войной земли и после разгрома союзников на западе столкнулась бы с той же Германией. В-третьих, Распутин во время войны не занимался антивоенной агитацией: он не одобрял вступления в войну, но полагал: вступив, мы должны довести дело до конца и победить.

Однако зачем-то Распутина решили обвинить в германофильстве, получении денег от немцев, поиске сепаратного мира и убить. Для убийства образовался удивительный тандем: черносотенный деятель германофил Пуришкевич и женоподобный англофил «нетрадиционной ориентации» князь Ф.Ф. Юсупов, которые после убийства Распутина понесли чисто символическое наказание. Пуришкевич оставил после себя дневник, Юсупов – мемуары. Но есть еще следственное дело. И вот получается удивительная картина: свидетельства Пуришкевича и Юсупова детально совпадают между собой, но резко расходятся с материалами следствия.

Во-первых, в описании одежды. В один голос Пуришкевич и Юсупов говорят, что Распутин был одет в сапоги, бархатные навыпуск брюки, шелковую рубашу кремового цвета, расшитую шелками[7]. Прокурор же судебной палаты С.В. Завадский свидетельствует: убитый был одет в голубую шелковую рубашку, вышитую золотыми колосьями[8]. На руке у него был золотой браслет с царской монограммой, на шее – золотой крест, и хотя браслет и крест – яркие и запоминающиеся детали, но об этом убийцы не обмолвились ни словом. Хотя дружно говорят о том, что Распутин целых два часа сидел у них, пил отравленное сладкое вино, закусывал пирожными, напичканными цианистым калием. Так и хочется спросить: какой идиот инструктировал этих горе-убийцев? Ученик 8-го класса знает из курса химии, что цианистый калий нейтрализуется глюкозой. Но дело даже не в этом: за два часа не заметить, в рубашке какого цвета была их жертва, мог только слепец. Либо двухчасового сидения в подвале не было. По крайней мере, такого, о каком пишут Юсупов и Пуришкевич.

Еще более значимое несоответствие мемуаров с материалами следственного дела в том, как был убит Григорий Ефимович. Пуришкевич видел, что Распутин получил три огнестрельных ранения: Юсупов выстрелил ему в грудь, в область сердца, после чего прошло более получаса, и убитый будто бы ожил, кинулся во двор, где Пуришкевич выстрелами в спину и, как ему «показалось», в голову сразил жертву. Как стрелял Пуришкевич во дворе, Юсупов, по его словам, не видел, он только подтверждает, что убил Распутина в столовой выстрелом в грудь, в область сердца[9].

Но подлинные документы следствия полностью исключают выстрел в сердце, в них сказано, что Григорий Ефимович убит тремя смертельными выстрелами – в печень (в живот), в почки (в спину) и в мозг (в голову)[10]. О смертельных ранениях отца Григория упоминает и Юлия Ден, которая знала о них из разговоров с Императрицей и А.А. Вырубовой в Царском Селе: «Григорий Ефимович был ранен в лицо и в бок, на спине у него было пулевое отверстие»[11]. Судебно-медицинские эксперты утверждали, что с первым же ранением – в печень – человек может прожить не более 20 минут, следовательно, не могло быть временного отрезка от получаса до часа, после которого убитый «воскрес» и кинулся бежать, как не было вообще никакого выстрела в область сердца в столовой, о котором единогласно утверждали оба участника убийства.

Приведем заключение судмедэксперта профессора Д.Н. Косоротова: «При вскрытии найдены весьма многочисленные повреждения, из которых многие были причинены уже посмертно. Вся правая сторона головы была раздроблена, сплющена вследствие ушиба трупа при падении с моста. Смерть последовала от обильного кровотечения вследствие огнестрельной раны в живот. Выстрел произведен был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней в правой половине. Кровотечение было весьма обильное. На трупе имелась также огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки, и еще рана в упор, в лоб, вероятно уже умиравшему или умершему. Грудные органы были целы и исследовались поверхностно, но никаких следов смерти от утопления не было. Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мертвым»[12].

Свидетельство профессора Косоротова показывает, что Григорий Ефимович долго и мучительно истекал кровью, но об этой колоссальной кровопотере ни слова у Юсупова с Пуришкевичем. Следов крови, согласно их мемуарам, было немного.

Итак, не сходятся концы. Более того, мы видим явный сговор Пуришкевича и Юсупова, сговор очевидно лживый. Зачем же они брали на себя вину, так стремились стать зиц-убийцами? Петли

захотелось? Очевидно, им было обещано (и выполнено), что ничего серьезного им не будет. Кто же настоящие убийцы?

Ими были агенты британской разведки офицер Освальд Рейнер, друг Юсупова, и доктор Лазоверт. Об этом убедительно свидетельствуют материалы, собранные в книге сотрудника английских спецслужб Ричарда Каллена «Распутин. пытки и его убийство»^[13]. Многочисленные повреждения на теле, в том числе рваные раны, доказывают, что Распутина перед смертью долго пытали, очевидно выуживая признание в несостоявшихся сепаратных переговорах, а не добившись этого – застрелили. Юсупов и Пуришкевич должны были сыграть роль прикрытия. Каллен был вынужден признать несостоятельность обвинений в адрес Распутина. Да вряд ли сами англичане верили в них... Не случайно, что Рейнер в 1919 году получил в награду орден – неизвестно за какие заслуги, а пред смертью в 1961 году уничтожил все свои бумаги.

Знал ли Император имена настоящих убийц? Судя по всему – да. Британский посол сэръ Джордж Бьюкенен вспоминал, что вскоре после убийства Распутина Николай II во время аудиенции сказал ему: к этому причастен молодой англичанин, друг Юсупова по университету. Правда, Царь не назвал его по имени. Это и объясняет, почему Юсупов и Пуришкевич не были наказаны всерьез: Царь понимал их камуфляжную роль, хотя, может быть, за соучастие их должно было наказать гораздо строже. Но вероятно, Царю казалось несправедливым карать соучастников, не покарвав реальных убийц. А наказать он их не мог: следствие над ними и соответствующий приговор означали бы, в конечном счете, развал антигерманской коалиции. Потому что вскрылись бы все связи с Английским посольством, с сэром Джорджем Бьюкененом, который почти открыто работал против союзника своей страны – Русского Царя. Поэтому Император должен был стиснуть зубы и претерпеть это злодеяние над самым близким к его семье человеком. Все ради победы.

Но она была уже невозможна. Пуришкевич с гордостью заявил: «Мы сделали первый выстрел Революции». Действительно, убийство Распутина обладало целым рядом смыслов. Для Царя: «Мы можем всё. Даже оклеветать и убить самого близкого тебе человека. Уйди сам, пока не свергли и не убили». Для аристократии и «образованного общества»: «Собаке собачья смерть». Неслучайно Юсупов заявил городовому, что он... всего лишь пристрелил собаку. А позднее над могилой Распутина написали на немецком языке: «Wo ist Hund begraben» – «Вот где собака зарыта». Но «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Неслучайно Илиодор еще в 1912 году позволял себе высказывания типа «Разлегся кобель на престоле». Его арестовали, посадили под домашний арест, но он... сбежал за границу писать пасквилы против Царя и его семьи.

Для части народа, верной Царю: «Под мостом мы вас видали...» Для колеблющихся: «Смотрите, Царь человека из народа не защитил. И даже не покарал толком за него». Иными словами: «Власти нет – и

наше время, наша воля». А отсюда – несколько шажков до февраля 1917 года. Началось все Кровавым воскресеньем, когда благодаря Гапону была расстреляна народная вера в Царя. Кончилось выстрелом в крестьянина Распутина. И в том, и в другом случае стреляли в живую нравственную связь между Царем и народом.

Но вопрос: зачем это все было англичанам? Ответ прост: именно потому, что Россия стояла на пороге победы. Союзники тоже. К концу 1916 года вопрос о вступлении Америки в войну был решен. И Россия была не нужна. Нежелательный конкурент, с которым надо делиться добычей. В том числе проливами. А этого Британская империя – владычица морей – допустить не могла. Значит, надо вывести Россию из войны. Желательно не сразу, постепенно, чтобы она отработала свою функцию полностью. Но не была допущена к победному пиру. В результате революции, первым выстрелом которой был, по выражению недалекого Пуришкевича, «выстрел в Распутина».

Вышло... Удался кафкианский парадокс – разгромить и Германию, и Россию. На Версальской конференции были флаги всех стран-победительниц. Даже уругвайский. Российского не было.

Как прозорливо писал Пушкин:

Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, Боже.

Цель данной публикации отнюдь не подготовка канонизации Распутина. Не надо впадать из крайности в крайность. Необходима серьезная и кропотливая работа по выяснению истины и отмытие Распутина от голливудского грима. И восстановление исторической справедливости. Жизненно важной в данном случае, ибо речь идет о чести святых Царственных Страстотерпцев. Опять-таки повторимся: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Убийство Распутина, вначале моральное, а затем физическое, послужило прологом к крушению империи и злодейскому умерщвлению Царской Семьи. Об этом надлежит в особенности помнить сейчас, когда некоторые господа, пренебрегая уроками истории, путем сплетен и «черного пиара» хотят разрушить Православную Церковь и государство Российское.

[1] Это признавали даже его враги. См. предисловие Михаила Кольцова к сборнику «Отречение» (Л., 1927).

[2] Платонов О.А. Жизнь за Царя. СПб., 1995. С. 130.

[3] Курлов П.Г. Гибель императорской России // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. М., 1997. Т. 2.

[4] Платонов О.А. Жизнь за Царя. С. 231–232.

[5] Там же. С. 113.

[6] Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993. С. 240.

[7] Пуришкевич В.М. Дневник // Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. 4. С. 221; Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина (воспоминания) // Там же. С. 251.

- [8] Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. Т. 8. М., 1991. С. 240.
- [9] Юсупов Ф.Ф. Конец Распутина (воспоминания). С. 202.
- [10] Платонов О.А. Пролог цареубийства. М., 2001. С. 239.
- [11] Ден Ю.А. Подлинная Царица. М., 1998. С. 74-79.
- [12] Платонов О.А. Смерть Распутина. С. 307-308.
- [13] Richard Callen. Rasputin. His tortures and murder. London, 2009.

Диакон Владимир Василик
30 декабря 2016 г.

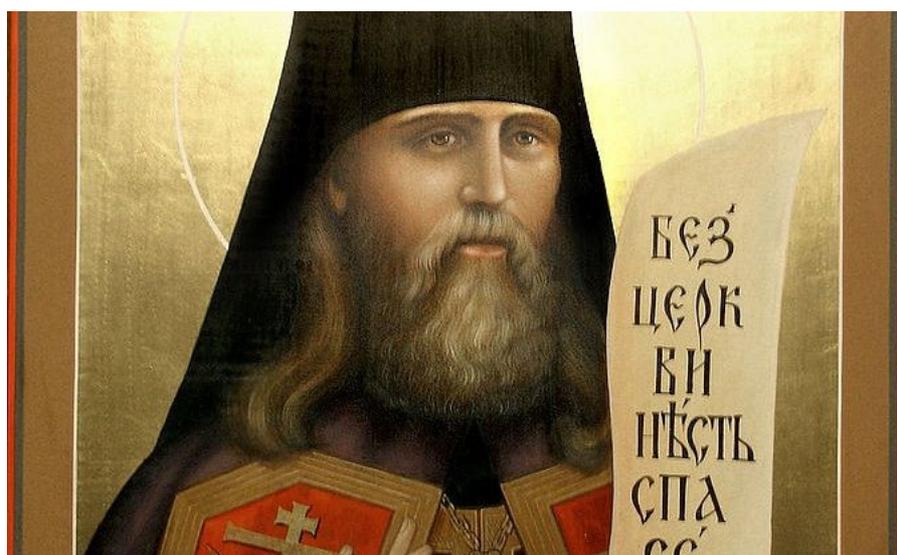
THE RELEVANCE OF HIEROMARTYR HILARION (TROITSKY) LIFE FOR OUR TIMES

Andrei Gorbachev

These days in Church circles there is more and more talk that the lives of the new martyrs remain irrelevant, and the names of the majority of new martyrs and confessors of Russia are little known even to church people. That is true, and it indicates that Church-related issues are alien to the bulk of modern Russian society. This is why new martyrs' *подвиг*^[1] is still incomprehensible.

Interestingly, this attitude in our society towards Church issues is a repeat of our fellow-countrymen's sentiments of more than 100 years ago. It means that the environment in which new martyrs' worldview concerning the Christian faith was formed is very similar to that of our times. And in many aspects, that formation developed not because of the surrounding reality, but in spite of it.

The Russian tsar Peter the Great and his entourage openly apostatized from the Church during that era, and by the beginning of the twentieth century this apostasy reached the lower class, the most conservative strata of society. The people's alienation from the Church was often reinforced by the apostasy of the clergy themselves. This is why the new martyrs are truly the salt of the Russian land—the people who were able to remain faithful to Christ and the Church during the period of countrywide religious confusion.

It would seem that the canonization of a host of Russian saints in the post-Soviet period would contradict the above. About 1,500 new martyrs have been canonized; that is an enormous number for the Russian Church. But if we take into consideration that 130,000 representatives of the clergy alone were executed by firing squad in the Soviet period before 1943, then this number is no longer so imposing. The emergence of a militant atheistic state on the ruins of the former Russia is indicative of the nearly total falling away of the Russian people from God and the Church of Christ. The Lord allowed this to happen because He obviously could not find ten righteous people per each Russian “Sodom”. Beyond all doubt, rudiments of religious life tend to continue in people’s everyday life, but a living and conscious faith becomes a great rarity.

The faith of some turned into unbelief, and the faith of others turned to ritualism. Some even managed to combine both. For example, Sergei Iosifovich Fudel [1900-1977, a Russian theologian and memoirist] mentioned a former senior conductor who weekly attended church services and regularly fasted but in reality turned out to be a full-fledged atheist: “Our conversation was gradually switched over to a more serious topic—the death of our loved ones. And as soon as I said that the day would come when we would see all of them again, the old man instantly raised his bushy eyebrows in sincere amazement. ‘Are you serious? Do you really mean it? Those are all priests’ tales! We will die and everything will stop! There will be nothing there.’”^[2]

Today many speak of the revival of the Orthodox faith in Russia. If we measure it only by the number of churches and monasteries that have been built or restored over the past twenty-five years, then the revival is obvious. But if we take into account that the overwhelming majority of our fellow-countrymen who identify themselves as Orthodox (between seventy and eighty per cent of Russia’s population) have a very vague idea of church life and go to church only on the days of their personal sorrow, then we see that the picture is not optimistic at all. And if we add that one third of these “statistically Orthodox” people say that they do not believe in God, then we will have to admit that the ideological heirs of the aforementioned senior conductor are spreading across the Russian land and gradually filling it with themselves.

For this reason the idea that it is necessary to study the history of early twentieth century Russia looks very natural. Most precious for us is the evidence of Russian saints of that era who repeatedly warned Russian society of fatal effects of abandoning God and falling away from the Church.

In this sense, the life of Hieromartyr Hilarion (Troitsky; 1886-1929) is very interesting, because the falling away of the Russian people from the Church was one of the main subjects he studied during his days as a student.

By the time Vladimir Troitsky (the secular name of St. Hilarion) studied at the seminary and academy (1900-1910), a considerable part of Russian society had been carried away by revolutionary ideas. And it was the theological schools that often became hotbeds of these ideas. The winds of revolution did not pass by the Moscow Theological Academy either. “Vladimir Alexeyevich joined the academy in 1906, when the fumes of the revolution that had infiltrated into the academy were just beginning to clear away but without disappearing completely. Vladimir Alexeyevich had to endure much. He used to say, ‘Shame on the academy that has changed the white robes of sober and pure science for the bright but dirty multi-colored rags of street politics.’ Shame upon the academy, which he loved ‘as a beloved bride’... But the terror did not disappear without leaving a mark on Vladimir Alexeyevich: His thoroughly analytical mind could not settle down until it determined why that terrible storm had captivated such broad circles. One of the key factors that determined the movement’s large scale was the secular nature of our society, which for the most part had lost its ties with the Church and had forsaken its age-old traditions... As soon as it became clear enough... he devoted his compulsory essays and his spare time to developing the question of the Church and ecclesiasticism.”^[3]

In 1909, in his fourth year at the Moscow Theological Academy, Vladimir Troitsky delivered a speech during the celebration of the academy's ninety-fifth anniversary, which was later published in the *Theological Bulletin* journal under the heading: "Thou shalt have no other gods before me."

The young theologian saw the meaning, purpose and justification of life in the Church. Apostasy from the Church cannot remain unpunished and is already a punishment in itself. Worship and service of the true God in Christ are possible only in the Church, and those who drift away from the Church actually abandon God together with Her. As the saying goes: "A holy place is never empty." A false concept of God comes to replace the real God—which, as a matter of fact, is an idol. "Life is full of idols. We encounter idols and idolaters at every step. True, you will not be able to see idols of stone, gold and silver. But the subtle and often unconscious idolatry, which uses service of the true God as a cover and is therefore more dangerous, has spread over the face of Earth like a dirty wave."^[4]

Idolatry of this kind comes into a Christian's life unnoticed and by degrees takes control of his heart. "Ask one of our contemporaries: What does he live for? What is the most important thing for him? He will say: family, a position, public activities, or commerce. Very few will mention science and some will state pleasures and personal welfare. But will anybody say that the things he holds dear to his heart are God, the Church, the salvation of soul, and eternal life? No, hardly anyone will ever remember this, the 'one thing needful'. Christ is totally removed from human life, though many dare not openly drive Him away. People do not want to abandon Christ completely, but they do not love Him enough to prefer Him to all other 'gods'. And so all efforts are exerted to ensure that all the idols of the world are preserved so that they could worship both Christ and belial simultaneously. People have divided their lives among many gods. The larger part of one's life is devoted to the service of idols of all sorts, and only an infinitesimal bit of life is devoted to a quick and hasty worship of the true God."^[5]

Church life, which sanctifies human life and gives it purpose, is replaced with religiosity that becomes only an insignificant part of life and serves mainly practical needs. "Now we hear only of the 'satisfaction of religious needs' or 'performance of religious duties'; and both the needs and duties are surprisingly scanty in comparison with other requirements and obligations of various kinds."^[6]

The conciliar character of church life is lost. Idols of non-Church forms of "Christianity" come up to take the Church's place. "Idols are more and more supplanting Christ in human life... In our days Christianity manifests itself only as a private, hidden piety, while Christian life has completely fallen into decline. Christian life is possible only in the Church; only the Church does the life of Christ live."^[7]

The twenty-three-year-old man became convinced of the truths that were to become the unfailing guiding star in his life: Without the Church there is no life, no salvation, no knowledge of God; that is, no theology, which is inseparable from piety, according to the tradition of the Church and, above all, to the writings of the Holy Fathers, those "spirit-bearing theologians."^[8] And the future hierarch referred only to the Orthodox Church as to the Church with a capital C.

Despite his very young age, as early as 1909 Vladimir Troitsky perfectly understood not only the main trouble of Russia (which later led to a catastrophe) but also the sole way out of this trouble: "Clouds without water, carried about of winds, to whom is reserved the blackness of darkness for ever (see Jude 12, 13) have come to our Russian plain from all sides. Their mouths are uttering pompous words... The gates of hell have accumulated all their strength and rushed towards the Holy Church... We believe, firmly believe that no winds, no tempests are capable of drowning the ship of Christ!... To count the empty and dead idols of the vain world but loss, to count all of them but dung (cf. Phil. 3:8) and to serve God alone and His Holy Church—there is not and cannot be anything higher than this!"^[9]

And it is not only worldliness, the secular mind, but it is also false ideas of God and the paths of salvation, the distortion and disregard of the truths of faith that tempt man and lead him astray. And it is difficult to say what is worse. "If you flee from a wolf you will run into a bear," Elder Ambrose of Optina used to say.^[10] During the VII Ecumenical Council,

Epiphanius, a learned deacon from Catania in Sicily, approached St. Tarasius, Patriarch of Constantinople, with a question on the heresy of iconoclasm. He asked, “Is this heresy more pernicious or less pernicious than those that existed before?” And His Holiness Patriarch Tarasius answered, “Evil is always evil, especially in the Church matters; as for the tenets of faith, either you transgress against a minor one or against a basic one—it makes no difference; because in both cases the law of God has been violated.”^[11]

This is precisely how Father Hilarion (in 1913 he became a monk and from 1913 till 1920 was archimandrite and inspector of the Moscow Theological Academy) perceived heterodox denominations. In his view, they are ontologically so alien to Orthodoxy that he did not consider it possible to call them Churches.

“Several Churches have appeared,” he used to say with perplexity. “The Orthodox, Catholic and even Protestant and Anglican Churches and so on, though it should be clear that one Head can have only one body.”^[12] For him the antonym to the word “Catholic” was not the word “Orthodox” but “the Church”; thus he stressed “the essential difference between Catholic life and Church life,”^[13] since for him there is only one theanthropic community whose proper name is “the Church”.

For Hieromartyr Hilarion, ecclesiology (study of the Church) was not so much a branch of theology as a basic principle, quintessence, the prime pre-requisite of theology, since the Church is a theanthropic organism in which man, who was created in God’s image and likeness, restores his natural integrity, acquires the likeness of the Holy Trinity and becomes God by grace. The Church as “the fullness... that filleth all in all” (Eph. 1:23), reveals Herself not only as the keeper of the Revelation, the Holy Tradition, but also as the Holy Tradition itself, because She was founded and handed over to us by the Son of God, and as the Revelation itself, because God is revealed to us in His energies only in Her and through Her.

The realization of this meaning of ecclesiology for St. Hilarion was the foundation of his unshakeable steadfastness in the “raging sea” of schisms during the Bolshevik persecutions of the Church.

Archimandrite Hilarion devoted special attention to refuting the errors of Catholicism, Protestantism and humanism—those three rationalist tendencies of religious life outside the Church that had the greatest influence on his contemporaries’ views.

But, in spite of all the efforts of Archimandrite Hilarion and others like him, who called on the Russian people to come to their senses, to return to their roots, to the faith of their fathers, which had once united the scattered tribes into one nation; that is, simply to return to the Church in mind as well as in practice, these appeals were heard only by few people and could not stop the general apostasy.

And in 1914 the premonitions began to come true. War broke out. Archimandrite Hilarion regarded it as a lesson to the straying Russian society, an opportunity for atonement for falling away from the Church through sins and heresies. His sermons became more powerful and inspired. “Russian Orthodox people!... The formidable hour of judgment of the Russian land has come. All of us have sinned very much over the past ten years. We, Russian people, allowed unbelief to spread across our land. We have unprecedented corruption. We, the Russian people, have sinned against our noble history. We have sinned against the memory and precepts of our forefathers. We are sinners before our own shrines. We have begun to lose the fear of God. We have forgotten how to love the tsar and our motherland. We have already grown accustomed to abusing and defaming all that is native to us, and praising and extolling all that is foreign. The hour has come when we must redeem our people’s sins and faults before God.”^[14]

As the war went on, the primary hopes for the return of the Russian people (especially of educated people) to the mother Church gave place to disappointment. The majority of Russian people were more interested in the external political structure than in the inner spiritual order, in secular rights rather than Christian duties, benefit rather than the truth. If spiritual things were not exchanged for material ones, then they were definitely exchanged for emotional ones, poetical dreaminess and a revolutionary revolt (sometimes they were combined in a fantastic way, as is seen from the life and works of Alexander Blok). Human

will prevailed over divine will, and temporal interests overshadowed eternal ones. There was no mass return of the intelligentsia from the Babylonian captivity of Western culture to the Jerusalem of the Church.

The future hieromartyr's opening academy lecture, read on August 26, 1916, was the last call to the Russian intelligentsia and the last warning. Its name finely illustrates its main idea: "Sin against the Church."

Young students from Leonid Andreyev's novel, *The Days of Our Life*, who admire the ringing of Moscow bells that call the faithful to the Sunday Vigil, but who instead of going to the service continue their picnic with beer on a precipice of Vorobyevy Hills, are, according to the lecturer, the brightest illustration of the rejection by the Russian intelligentsia of the Church and therefore their national roots. After all, the words "Russian", "Orthodox" and "of the Church" are almost synonyms. "The Russian people's character was nurtured for whole centuries under the direction of the Church, and apostasy from the Church for a Russian is equal to rejection of Russia. We can imagine Russia without the Parliament, without universities, but it is impossible to imagine Russia without the Church [15]."

The disregard of this will inevitably lead to deplorable results for Russia. For someone who renounces the Church "renounces Russia also, loses touch with the Russian soil, becomes a cosmopolite... A Jew... who forsakes the law of Moses is an absolute nihilist who is detrimental to his home country along with any country he lives in. And it is the Russian intelligentsia that imported radical sceptics, nihilists and anarchists to European life. Tolstoy and Bakunin are ours. Russian revolutionaries are being driven from one place to another in Western Europe as well. Perhaps no other people has ever gazed into the abyss of denial more than the Russian people." [16]

In 1917, two revolutions shook the foundations of the Russian state, after which Russian society was plunged into the abyss of revolutionary changes, the lamentable consequences of which have not yet been overcome.

Holy Hierarch Hilarion did not lose himself in the whirlwind of revolutionary perturbations. His love for the Church and submergence into Church Tradition enabled him to retain firm guidelines, to find the right way to relate to the atheist authorities and numerous schisms, and to perform his *podvig* as a confessor in the appropriate manner. He managed to find the strength not to lose heart under the most hopeless circumstances of life—both in exile and the concentration camp. And the saintly bishop did not separate himself from the Russian people. But his view of the correlation between the Russian man's attitude towards the Church and our state's prosperity remained unchanged until his martyrdom. "And do we say that the Soviet authority is not from God?" he answered the sly question of People's Commissar Anatoly Lunacharsky. "Yes, it is certainly from God! As a punishment for our sins..."

As they say: "Only a fool learns from his own mistakes. A wise man learns from the mistakes of others." Then how can someone who learns neither from his own nor from others' mistakes be characterized? Let us hope that we will be able to learn at least from our own mistakes.

Andrei Gorbachev

Translation by Dimitry Lapa

28 / 12 / 2016

[1] Ascetic labor; strenuous, pious feat.

[2] Fudel S.I. Reminiscences. Moscow: the Holy Trinity - St. Sergius Lavra, Russky Put', 2016. – P. 79.

[3] Damascene (Orlovsky), Hieromonk. The Biography of Archbishop Hilarion (Troitsky) // Hilarion (Troitsky), Archbp. The Church as the Union of Love. Moscow: Orthodox St. Tikhon Theological Institute, 1998. Pp. 5-6.

[4] Hilarion, Archbp. Of Vereya, Hieromartyr. There is No Salvation without the Church. / The introductory article by Nun Sophia: The Life of Hieromartyr Hilarion (Troitsky). — Moscow; St. Petersburg: Sretensky Monastery, Znameniye, 2000. – P. 119.

[5] Ibid. P. 120.

[6] Ibid. Pp. 120-121.

[7] Ibid. P. 122-123..

[8] Ibid. P. 134.

[9] Ibid. Pp. 135, 138.

[10] Agapitus (Belovidov), Schema-Archimandrite. The Biography of the Deceased Optina Elder Schema-Hieromonk Ambrose with His Portrait and Facsimile. In two parts. – Reprint. – [Moscow:] Publishing house of the Holy Trinity – St. Sergius Lavra, 1992. - Part 2. – P. 60.

[11] The Acts of the Oecumenical Councils: in 4 volumes – St. Petersburg: Voskresenye, Palomnik, 1996. – Volume 4: VI Council, VII Council. – P. 358.

[12] Hilarion, Archbp. Of Vereya, Hieromartyr. There is No Salvation without the Church. / The introductory article by Nun Sophia: The Life of Hieromartyr Hilarion (Troitsky). – Moscow; St. Petersburg: Sretensky Monastery, Znameniye, 2000. – P. 141.

[13] Ibid. P. 140.

[14] Hilarion (Troitsky), Hieromartyr. On life in Church and on Church Life// Hilarion (Troitsky), Hieromartyr. Works: in 3 volumes. – Moscow: the Publishing house of Sretensky Monastery, 2004. – V. 3. – P. 318.

[15] Hilarion, Archbp. Of Vereya, Hieromartyr. The Sin against the Church// There is No Salvation without the Church. – Moscow; St. Petersburg: Sretensky Monastery, Znameniye, 2000. – P. 562.

[16] Ibid. P. 562